

Скорее, она совсем не гордилась своими действиями, но ни за что на свете не рассказала бы об этом Сириусу.

Волшебник фыркнул.

«Они были моими друзьями, Белла. Теперь они для меня как овощи. Но я собираюсь это изменить».

Беллатрикс посмотрела на него с недоверием. Если уж целители из больницы Святого Мунго ничего не смогли сделать, то что, по его мнению, может сделать он?

Сириус убедился, что на их пути никого нет, и снова начал идти к палате Януса Тики, следуя информационным указателям. Нужно было спешить, уже почти полдень, и скоро целитель принесет пациентам еду.

«Ты действительно думаешь, что можешь что-то для них сделать?»

Сириус молчал, пока они не добрались до специального отделения. Там он запер дверь тем же заклинанием, что и раньше, - арией, созданной еще во времена Мародеров.

Вокруг не было ни тени целителя или медиума, но палата не была тихой, несмотря на это. Было удивительно, что по дороге сюда ему встретилось так мало сотрудников, но он решил, что, возможно, произошел какой-то инцидент, а может, это был его счастливый день.

Сириус огляделся. Каждый пациент был отделен занавесками, но он отчетливо слышал, как в глубине комнаты кто-то бормочет о кроликах и клубнике, а какой-то мужской голос имитирует звук автомобильного двигателя. Блондин отодвинул занавеску и с любопытством посмотрел на вновь прибывших. Своим поведением он напоминал ребенка и дулся, когда Сириус его игнорировал. Волшебник и призрак его кузена медленно шли по центру комнаты, пытаясь угадать, какой занавес откроется, чтобы показать Лонгботтомов.

С правой стороны комнаты раздался женский голос, и Сириус мгновенно спрятался за ближайšie шторы. Слова, произнесенные голосом, были не только доказательством вменяемости их обладательницы, но и подтверждали, что ведьма - целительница. Вот вам и отсутствие поблизости кого-либо из персонала.

Сириус вздохнул с облегчением, а затем стал слушать, как целительница разговаривает с каким-то Гилдероем Локхартом о том, что ему нельзя выходить из комнаты, чтобы самому раздавать автографы. Он догадывался, что ему понадобится удача, если он хочет сделать то, что задумал, и чтобы его не нашли и не отправили обратно в Азкабан без спроса.

Он огляделся по сторонам, чтобы понять, в чье помещение он попал, и его сердце заколотилось, когда он узнал два лица Лонгботтомов, застенчиво смотрящих на него.

Сириус глубоко вздохнул и снова открыл глаза. Алиса и Фрэнк. Они почти не изменились с четырнадцати лет, хотя выглядели немного старше, но глаза у них были как у испуганных детей. Волшебник стиснул зубы и послал Белле убийственный взгляд.

Призрак смотрел куда-то в сторону, испытывая неподдельный дискомфорт. Быть в здравом уме не всегда было легко. Раньше она могла просто не замечать своих поступков и даже радоваться страданиям, которые причиняла. А если угрызения совести настигали ее... ей достаточно было пойти и помучить кого-нибудь, чтобы не чувствовать себя виноватой.

Сириус наложил чары Маффлиато и установил заслоны - те самые, которым их учили авроры, - чтобы никто не мог на них зайти. То, что он собирался сделать, было абсолютно незаконным, и если бы он мог помочь, то предпочел бы, чтобы никто об этом не узнал. Черт, он даже не был уверен, что это сработает.

«Раз уж ты спросила, дорогая кузина, я собираюсь устранить тот ущерб, который ты нанесла их разуму».

Его слова испугали Беллатрису, которая совсем забыла о своем вопросе.

«Ты не можешь отменить это!»

Сириус усмехнулся и подошел к двум пациентам, которые плакали от страха и пытались спрятаться в объятиях друг друга. Мужчина едва не остановился, увидев их реакцию, но убедил себя, что так будет лучше. Он поднял украденную палочку, некоторое время рассматривал ее, а затем повернулся к кузену.

«Двенадцать лет в Азкабана с чертовыми дементорами дали мне время подумать о человеческом разуме. Ты и твои друзья Пожиратели смерти были совершенно не в себе или даже сумасшедшими, но я не был таким. Знание того, что я невиновен, знание того, что Питер все еще находится снаружи, в состоянии действовать, если у него появится причина, и то, что он анигамус, помогли мне оставаться в здравом уме так долго. Так что я много лет размышлял, много думал и столько же размышлял».

Призрак кивнула. Она догадалась, что в словах кузины есть смысл. Она сама много лет пребывала в тумане, но если бы это было не так, возможно, она тоже могла бы подумать. О своей жизни, о том, что она выбрала, от чего отказалась... Именно это она и делала после своей смерти и возвращения в виде призрака, поняла она.

Сириус продолжал. Он слишком долго был один в камере Азкабана, и теперь, когда чувствовал себя в безопасной компании, говорил как можно больше. Мысль о том, что он делает это с Беллатрисой, была немного тревожной, но он знал, что смерть изменила ее, и в любом случае она не могла пойти против его слов. С ней, как это ни удивительно, можно было спокойно поговорить.

«Если проклятие Круциатус может сделать человека безумным, то это потому, что боль слишком сильна для его разума. Поэтому мозг отключает все коммуникации, чтобы спасти разум. Остается только кратковременная память и инстинкты. Как только это происходит, мозг не может понять, миновала опасность или нет. Но что, если бы можно было вернуть разум? Что, если убедить их разум обратиться к мозгу и попросить его снова освободить их? В конце концов... их мозгу нужно только знать, что они могут безопасно активировать свой разум».

Белла изогнула бровь. Она не была глупой, поэтому знала, что Сириус прав, или, по крайней мере, была согласна с ним в том, что касается действия проклятия Круциатус. Она видела, как его применяют, сама пользовалась им и достаточно часто страдала от него, чтобы знать, как оно работает.

«Ты только что сказал, что разум заперт в мозгу, так что я не понимаю, как до него можно добраться».

Призрак задрожал, изучая лицо Сириуса.

Тот как-то странно улыбался - жутко и ненавистно. В последний раз она видела эту улыбку,

когда Сириусу было семь лет и он впервые использовал темную магию. Так он улыбался, когда понимал, что у него нет другого выхода, кроме как сделать что-то запретное, что-то грандиозное.

Это была не счастливая улыбка, а улыбка ненависти к себе. Неприятное выражение лица для любого, кто знал, как волшебник относится к тому, что собирается сделать. Но более того, это была улыбка решительного человека, который без колебаний сделает то, что должно быть сделано. Это была улыбка Блэка, который хотел бы быть кем-то другим.

Беллатрикс в очередной раз задалась вопросом, почему они отбросили Сириуса в сторону. Он был другим, и что с того? Он все равно был Блэком. И возможно - только возможно - он был прав относительно их идеалов.

Мертвая ведьма проигнорировала последнюю мысль. Она еще не была готова идти по этому пути.

Сириус направил украденную палочку на испуганную парочку.

«Я не говорю, что это что-то изменит. Но я все равно должен попробовать. Хуже быть не может».

Он глубоко вздохнул, взгляд его стал суровым, и он смирился. Он не был уверен, что его простят.

«Империи».

<http://tl.rulate.ru/book/115292/4520602>